

РОЖДЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА: ПЛАНЫ И РЕАЛИИ

(к 75-летию Великой Победы
и создания ООН)

Декабрь·2020

Ал. А. Громыко,
член-корр. РАН
Директор Института Европы РАН

Исследование основано на двух статьях автора: Громыко Ал.А. Рождение послевоенного мира: планирование и реалии. (К 75-летию победы во Второй мировой войне и создания ООН. Статья первая) // Современная Европа, № 5, 2020. С. 5–18. Громыко Ал.А. Была ли альтернатива началу холодной войны? (К 75-летию победы во Второй мировой войне и создания ООН. Статья вторая) // Современная Европа, № 6, 2020. С. 5–14.

Автор выражает благодарность В.О. Печатнову, профессору МГИМО(У) МИД РФ, за ценные замечания, высказанные в ходе проведения данного исследования

*Посвящается Андрею Андреевичу Громыко, моему деду,
и другим советским дипломатам, внёсшим вклад
в победоносное окончание Великой Отечественной войны
и создание Организации Объединённых Наций*

РОЖДЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА: ПЛАНЫ И РЕАЛИИ (к 75-летию Великой Победы и создания ООН)

75-летие окончания Великой Отечественной войны и Второй Мировой войны напоминает всем живущим о трагических и грандиозных событиях, из которых родился новый мир. Заложенные ещё в военные годы параметры Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, пришедшей на смену Версальско-Вашингтонской, обеспечили относительную стабильность мирового развития на многие десятилетия вперёд. До сих пор последствия решений, принятых «большой тройкой» (СССР, США и Англия) и их союзниками, во многом формируют современные реалии политики, экономики и безопасности. В наследии победителей особую роль играет их совместное стратегическое решение создать универсальный и всеохватывающий инструмент по утверждению в международном праве принципов государственного суверенитета, невмешательства, согласования интересов держав, поддержания мира и безопасности – Организацию Объединённых Наций. День подписания её Устава – 26 июня 1945 года, наряду с датами 8–9 мая и 2–3 сентября, по своему значению является поистине судьбоносным.

Несмотря на обширнейший объём исторической литературы, посвящённой событиям тех лет, включая политико-дипломатическое измерение, и появление всё новых архивных документов, дискуссионным остаётся целый ряд вопросов, связанных с историческими перипетиями того времени, с использованными и упущенными возможностями по построению устойчивого послевоенного мира. В этом ряду находится феномен взаимодействия «Великого альянса», стратегического видения его участников, переплетение объективных и субъективных факторов, которые, с одной стороны,

не допустили Третью мировую войну, но с другой — не предотвратили скатывания к войне холодной.

Непреодолимый интерес для нашего времени представляют уроки и опыт истории 1940-х годов, в том числе для ответа на вопросы: как восстановить действенное сотрудничество современных центров силы, в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности ООН, как не допустить укоренения нового издания холодной войны с возможностью её перерастания в горячую? С этой целью обратимся прежде всего к атмосфере взаимодействия между США и СССР в ходе войны с учётом сохранения его системного значения для международных отношений и в наши дни. Затем рассмотрим планы «большой тройки» и процесс их согласования при выработке послевоенного мироустройства. Наконец, поставим вопрос о том, была ли неизбежна холодная война, когда и как вызревали её предпосылки.

«РУЗВЕЛЬТОВСКИЙ КУРС»

Уже в начальный период Великой Отечественной войны стремление к выстраиванию продуктивного советско-американского диалога и практические шаги в этом направлении получили ощутимый импульс. К президенту США Франклину Делано Рузвельту в советском руководстве и дипломатическом корпусе испытывали искренние симпатии. Так, А.А. Громько называл американского президента «одним из самых выдающихся государственных деятелей США», говорил о нём, как об умном политике, человеке широкого кругозора и незаурядных личных качеств¹. Такое отношение имело и историческую подоплёку, ведь именно при Рузвельте в 1933 году Москва и Вашингтон установили дипломатические отношения. Символично, что последним документом, который Рузвельт подписал в последний день своей жизни, стало письмо на имя Сталина в ходе обмена посланиями между ними в связи с «бернским инцидентом»². Произошло это 12 апреля 1945 года, а вечером того же дня

¹ Громько А.А. Памятное. Новые горизонты. М.: Центрополиграф, 2015. С. 117.

² Имеются в виду переговоры спецслужб США в Швейцарии во главе с Алленом Даллесом с представителями командования немецких войск в Северной Италии в лице генерала Карла Вольфа.

президент скончался. В своём письме Рузвельт заверял Сталина в твёрдом намерении укреплять сотрудничество с СССР.

Последовательностью во взглядах на укрепление советско-американских отношений в годы войны и на их характер после неё отличался Гарри Гопкинс, доверенное лицо Рузвельта, его ближайший советник и в целом самый влиятельный человек в Администрации президента. К той же категории политиков относился и вице-президент США Генри Уоллес. В январе 1943 года в своих дневниках, ещё до окончания Сталинградской битвы, он писал о сотрудничестве Москвы и Вашингтона как о проблеме номер один в международных отношениях в послевоенный период³. Симпатии друг к другу тогда проявлялись не только на официальном дипломатическом и политическом уровне, но были элементом повседневной жизни. Так, вице-президент США мог ранним утром зайти в посольство СССР в Вашингтоне и передать для жены советского посла обещанные накануне лекарства⁴. В целом, в те годы «американские деятели считали для себя за честь побывать в советском посольстве»⁵.

Симпатии советских дипломатов и политиков к американским деятелям, при которых были установлены дипломатические отношения с СССР, распространялись и на Кордэлла Хэлла, государственного секретаря США в 1933–1944 годов. Считалось, что в целом он последовательно проводит линию Рузвельта на развитие советско-американских отношений. Стиль его поведения и формы реализации дипломатического искусства соответствовали общему реноме Администрации Рузвельта: основательность, чувство такта, корректность, профессионализм, гибкость, стремление избежать обострения ситуации. В этом же русле работали и другие высокопоставленные представители государственного департамента, включая Сэмнера Уэллеса, первого заместителя госсекретаря.

После установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933 году и до начала Второй мировой войны в Москве сменили друг друга в качестве американских послов Уильям Буллит, Джозеф Дэвис и Лоуренс Штейнгардт. Второй из них – Дэвис – выделялся как первый руководитель дипмиссии США, который

³ Громько А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 135.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же. С. 152.

искренне верил в развитие взаимовыгодных отношений между двумя странами⁶. Уже тогда во взаимных дискуссиях был обкатан принцип разведения идеологических противоречий с вопросами практического взаимодействия. Позже, в 1941 году Дэвис возглавит президентский комитет, курировавший организации по оказанию помощи союзникам, станет почётным председателем Национального совета американо-советской дружбы. В 1942 году в США вышла его книга «Миссия в Москву», укреплявшая симпатии к СССР⁷. В мае 1945 года Дэвис был награждён орденом Ленина за вклад в укрепление советско-американских отношений. В последующем он продолжал призывать к следованию курса Рузвельта на единство США, СССР и Великобритании.

В окружении Рузвельта дружеский настрой к СССР был присущ Гарольду Икесу, министру внутренних дел. Общее представление людей его круга, то есть наиболее близких к президенту политиков и государственных служащих, состояло в том, что различия в социальном строе не должны быть препятствием для тесного сотрудничества как в годы войны, так и, что особенно важно, после её окончания. Наличие идеологически несовместимых общественных систем не рассматривалось как непреодолимое препятствие. Конечно, такие настроения были далеко не всеобщими в политическом классе США, и это касалось не только Республиканской партии, но и правого крыла демократов. Уступкой интересам последних было решение Рузвельта на президентских выборах 1944 года вместо Уоллеса выдвинуть на пост вице-президента кандидатуру намного более консервативного Гарри Трумэна. Не удалась и попытка Уоллеса побороться за пост президента в 1948 году во главе Прогрессивной партии, которая не набрала и 3% голосов. К тому времени от рузвельтовского духа в советско-американских отношениях осталось мало, хотя фрагменты былых намерений о послевоенном союзничестве сохранялись.

Наличие идеологически несовместимых общественных систем не рассматривалось как непреодолимое препятствие

⁶ Громько А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 89.

⁷ Davies Joseph E. Mission to Moscow. London: Victor Gollancz Limited, 1945. <https://archive.org/details/missiontomoscow035156mbp>

Замечание выше об антисоветских настроениях в Республиканской партии отнюдь не означает, что в ней не учитывали возрастающий фактор Советского Союза не только во внешней, но и внутренней политике Америки. О многом говорит тот факт, что в 1944 году, перед президентскими выборами в США, советскому

Неординарная просьба состояла в том, чтобы СССР на выборах поддержал кандидата от республиканцев Томаса Дьюи

послу в Вашингтоне конфиденциальный визит нанёс финансист Томас Ламонт, руководивший банкирским домом империи Морганов, и, как оказалось, негласный посланец Республиканской партии. Его неординарная просьба состояла в том,

чтобы СССР на выборах поддержал кандидата от республиканцев Томаса Дьюи, и это при хорошо известном характере отношений между Сталиным и Рузвельтом. Суть данного Ламонту ответа сводилась к тому, что СССР не вмешивается во внутренние дела Соединённых Штатов⁸.

За развитие отношений с СССР и открытие второго фронта ратовали и другие видные политики-республиканцы, включая Уэнделла Уилки, который в 1940 году был кандидатом от Республиканской партии на президентских выборах, а в 1944 году, вновь выставившись, проиграл праймериз Дьюи. Уилки активно сотрудничал с Администрацией Рузвельта, по его поручению совершал зарубежные визиты, в частности – в Советский Союз. С высоты 2020 года можно лишь удивляться причудливым поворотам истории – от времён, когда даже во внутренней политике США благосклонности России искали и демократы, и республиканцы, к временам, когда любой намёк на российское влияние на американскую политику расценивается как скандальный.

К числу последовательных рузвельтовцев относились такие видные политики, как сенатор Томас Коннэли и конгрессмен Сола Блюм. Коннэли по предложению Рузвельта стал председателем комиссии по иностранным делам Сената США; Блюм занимал аналогичный пост в Палате представителей. Задолго до открытия второго фронта в Европе он не раз высказывался за это, строил свои рассуждения на прагматичной основе, считая, что такой

⁸ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 159.

шаг отвечает национальным интересам его страны. Позже, на конференции по созданию Организации Объединённых Наций в Сан-Франциско, Коннэли больше других членов американской делегации был открыт для компромиссов по Уставу ООН, в том числе по принципу единогласия пяти держав и роли этой новой организации.

Убеждённым деятелем рузвельтовского направления был Генри Моргентау, министр финансов. Он представлял часть американского истеблишмента, радикально настроенную к гитлеровской Германии, считавшую необходимым её расчленение и, более того, переселение части немцев в другие районы мира, включая Северную Африку⁹. Среди единомышленников президента был и первый заместитель Моргентау – Гарри Декстер Уайт. Осенью 1941 года он доверительно сообщал советским дипломатам в Вашингтоне, что сопротивление Красной Армии оказывает огромное влияние на умонастроения в руководстве США¹⁰. Причём, как хорошо известно, вплоть до декабря 1941 года, т.е. до советского контрнаступления под Москвой, большинство американских политиков, дипломатов, включая посла США в Москве Лоуренса Штейнгардта, и военных, большая часть американского общественного мнения не верили, что СССР избежит поражения в войне. Ожидания этого сохранялись и в последующем, свидетельством чего служит документ Комитета начальников штабов США, подготовленный в августе 1942 года, с прогнозом о ситуации в мире в случае поражения советских войск под Сталинградом, что имело бы тяжелейшие последствия для Америки¹¹. Другой пример – книга вышеупомянутого С. Уэллеса, вышедшая в 1944 году, в которой американский дипломат описывает распространённое в западной торгово-финансовой элите мнение, что гитлеровская Германия нанесёт поражение России¹².

Подходы Рузвельта к долговременному сотрудничеству с СССР были характерны и для ряда других руководителей государственных

⁹ Громько А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 129.

¹⁰ Там же. С. 131-132.

¹¹ Торкунов А.В. Великая Победа и мировой политический процесс // Международная жизнь, июнь 2020. С. 4–5.

¹² Welles Sumner. The Time for Decision. New York, 1944. P. 321.

ведомств, например, для Франка Волкера, министра почт, входившего в ближайшее окружение президента¹³.

Большой бизнес США был также той средой, в которой немало людей и в ходе войны, и в первые послевоенные годы делали ставку на развитие нормальных и взаимовыгодных отношений с СССР. Симпатии к сотрудничеству с Советским Союзом питал крупный представитель американской деловой элиты Гарри Уорнер – основатель, совместно с братом Майерсом, кинокомпании «Уорнер бразерс», процветающей до сих пор. Олицетворением такого подхода служила также фигура Нельсона Рокфеллера, представителя знаменитой американской фамилии. Он был частью предпринимательских кругов, которые ожидали длительного благоприятного периода для организации экспорта в СССР оборудования, товаров лёгкой промышленности, оказания всевозможного содействия в послевоенном восстановлении. Рузвельт привлёк Рокфеллера к государственной службе, назначил его в 1944 году заместителем государственного секретаря. Многим позже, в 1974 – 1977 годах он станет вице-президентом США.

Ход военных действий, успехи Красной армии оказывали огромное влияние на умонастроения в США, особенно среди военных. Свой вклад в развитие союзнических отношений с СССР внесли

Ход военных действий, успехи Красной армии оказывали огромное влияние на умонастроения в США, особенно среди военных

военно-морской министр Джордж Форрестол, военный министр Генри Стимсон, начальник штаба армии США Джордж Маршалл. Последний был награждён орденом Суворова I степени. Надо сказать, что высоких советских военных наград в те годы удостоивались многие

представители союзных держав, в том числе высшей – Героя Советского Союза¹⁴. Одновременно военные относились к той части истеблишмента, представители которой находились в жёсткой зависимости от политической конъюнктуры. Так, Форрестол закончил свою жизнь, выбросившись из окна госпиталя с криком: «Русские

¹³ Также о взглядах Рузвельта и его окружения см.: Юнгблюд В.Т. Эра Рузвельта. Дипломаты и дипломатия. СПб.: Образование, 1996.

¹⁴ Кравченко М. Советская дипломатия в Великой Отечественной войне // Международная жизнь, май 2020 г. С. 28–29.

танки!», а Маршалл после войны стал одним из символов изменения курса Трумэна в отношении СССР на постах государственного секретаря и министра обороны. Во время войны советское посольство в Вашингтоне посещал Дуайт Эйзенхауэр, который с 1943 года занимал пост Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе. В 1945 году он был награждён советскими орденами Победы и Суворова I степени, в Москве встречался со Сталиным. Следующие несколько лет будущий американский президент ещё не раз выскажется за сотрудничество с СССР.

Симпатии к Советскому Союзу и прагматичные настроения до Великой Отечественной войны, в ходе неё и длительное время после были распространены среди широких слоёв американского общества. Приёмы в советском посольстве в Вашингтоне собирали аншлаги. В посольство на 16-ой стрит и в консульства СССР шёл поток телеграмм и писем, выражавших поддержку советскому народу. Известными представителями таких настроений были в кругах университетской профессуры экономист с мировым именем Келвин Джон Ланкастер и знаменитый антрополог Алеш Хрдличка, в журналистской среде – Альберт Рис Уильямс, в среде музыкантов – Леопольд Стоковский и Юджин Орманди, певцы Поль Робсон и Фрэнк Синатра, драматург Лилиан Хелман, артисты Чарли Чаплин и Эдвард Робинсон, кинорежиссёр Орсон Уэллс, спортсмен Джо Луис и многие другие. Причём эти личности были американцами с громкими именами, многочисленными последователями и поклонниками, многие – кумиры своего поколения, те, кто представлял срез настроений и мнений значительной части населения США. Схожие процессы в общественных настроениях относительно Советского Союза происходили и в Британии¹⁵.

Конечно, это не означало, что они были всеобщими и принимали во все социальные слои. Советские дипломаты порой сталкивались с проявлением враждебности, как это случилось в Детройте в июне 1946 года с послом СССР в США Н.В. Новиковым. Митинг «Амери-

¹⁵ Печатнов В.О. Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР. В кн.: История великой победы. Том 3. Война и дипломатия. Под ред. Торкунова А.В. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 40.

канского общества помощи России» с его участием пытались сорвать представители таких ультраправых организаций, как «Христианские социалисты», «Антикоммунистический комитет Западного полушария» и «Америка прежде всего»¹⁶.

В целом приведённые факты свидетельствуют, что политическое руководство Соединённых Штатов во главе с Рузвельтом обла-

**Политическое руководство
Соединённых Штатов
во главе с Рузвельтом обладало
интуицией и пониманием
потенциала и внутренних
ресурсов Советского Союза**

дало интуицией и пониманием потенциала и внутренних ресурсов Советского Союза, внутренне и по убеждению было готово к серьёзному диалогу с Москвой. Эти настроения крепились после нападения Японии на Пёрл-Харбор и по мере развития событий на восточном фронте. Уже в декабре 1941 года ведущие предста-

вители Администрации заявляли о стратегическом характере курса Рузвельта в отношении СССР¹⁷. Причём в представлении Белого дома этот курс должен был быть основан на полном отказе от навязывания своих порядков другой стороне. Именно об этом, по словам Нельсона Рокфеллера, говорил ему лично Рузвельт¹⁸.

С советской стороны также усиливалось желание выстраивать с США тесный диалог и в мирное, и в военное время. Ещё осенью 1939 года Сталин говорил в личной беседе: «С такой крупной страной, как Соединённые Штаты Америки, Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учётом возрастания фашистской угрозы»¹⁹. Значимо, что этот разговор — также один из доводов в пользу того, что Сталин не строил иллюзий по поводу Третьего рейха, несмотря на заключение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 года.

¹⁶ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989. С. 329–336. http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/28.html (дата посещения 12.08.2020)

¹⁷ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 133.

¹⁸ Там же. С. 152.

¹⁹ Там же. С. 96.

КАК СОХРАНИТЬ МИР ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Процесс формирования представлений о мире после Второй мировой войны начался уже в её начальный период. В США с этой целью в декабре 1939 года с одобрения Ф. Рузвельта создаётся Совещательный комитет по проблемам внешней политики. Однако к работе он приступил фактически только в феврале 1942 года²⁰, что, хотя и с паузой, дало возможность системно обсуждать концепцию новой всемирной организации, призванной прийти на место Лиги Наций. В Атлантической хартии, подписанной Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 года, упоминания о ней ещё не было. О том, в каком русле развивался этот процесс, говорит тот факт, что деятельность комитета курировал госсекретарь К. Хэлл, о взглядах которого на послевоенный мир сказано выше. Также не случайно, что главным генератором идей в комитете был Лео Пасвольский, который позже со стороны США внёс большой вклад в создание ООН.

Параллельно схожий мыслительный процесс развивался в СССР. Об этом говорит текст советской-польской декларации от 4 декабря 1941 года о дружбе и взаимопомощи, который включал тезис о «новой организации международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз». В том же месяце Сталин на встрече в Москве с главой Форин-офис А. Иденом высказался за создание в послевоенном мире союза демократических государств, обладающего возможностью применять военную силу²¹. Хорошо известна и записка С.А. Лозовского на имя Сталина, направленная в начале 1942 года, результатом чего стало решение Кремля учредить серию комиссий, включая комиссию НКВД по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства в главе с М.М. Литвиновым²². К работе она приступила, как считается, осенью следующего года²³ и с тех пор активно действовала длительное время в формате, как выразились бы сейчас, мозгового центра. Что касается Британии, то и там в 1942 году аналогичная работа наби-

²⁰ Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 23, 29.

²¹ Там же. С. 26.

²² Печатнов В.О. Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР. С. 44–58.

²³ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М.: Терра, 2006. С. 239–240.

рала обороты при поддержке А. Идена и при непосредственном участии известного сотрудника Форин-офиса Глэдвина Джебба.

1 января 1942 года в Вашингтоне 26 государств подписали Декларацию Объединённых Наций, в которой впервые официально было использовано это словосочетание. Советская дипломатия принимала самое активное участие в написании и согласовании текста документа, создававшего фундамент антигитлеровской коалиции. В советско-американском коммюнике от 12 июня 1942 года, подписанном по результатам визита В.М. Молотова в США, говорится об обсуждении основных проблем сотрудничества Советского Союза и Соединённых Штатов в деле обеспечения мира и безопасности после войны.

В октябре 1943 года Москва стала местом, где наработки стран «большой тройки» в отношении послевоенного мироустройства получили первое зримое воплощение на созванной по инициативе

В октябре 1943 года Москва стала местом, где наработки стран «большой тройки» в отношении послевоенного мироустройства получили первое зримое воплощение

СССР конференции министров иностранных дел. Была принята Декларация четырёх держав по вопросу о всеобщей безопасности (с присоединением Китая), в которой со ссылкой на Декларацию Объединённых Наций содержатся основные принципы деятельности одноимённой организации. Если США стали стороной,

внёсшей на рассмотрение конференции проект декларации четырёх государств о всеобщей безопасности, то В.М. Молотов, поддержав рекомендации М.М. Литвинова, выдвинул идею создания комиссии представителей «большой тройки» для «предварительной совместной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей международной организации» для поддержания мира и безопасности. Соответствующие формулировки, подготовленные редакционной комиссией конференции во главе с А.Я. Вышинским, вошли в Секретной протокол²⁴.

Закладывать согласованные основы послевоенного мироустройства союзные державы продолжили в ходе подготовки и проведе-

²⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. Глава «Советский Союз на Московской и Тегеранской конференциях». М.: Кучково поле, 2014. С. 268–269, 273.

ния конференции «большой тройки» в Тегеране (ноябрь – декабрь 1943 года). Так, Рузвельт развивал свою концепцию «четырёх полицейских» (США, Англия, СССР, Китай), к которой Москва поначалу относилась с осторожностью²⁵. Сталин высказывал сомнения, что международная организация, основанная на такой концепции, получит поддержку малых стран. В дальнейшем идея главенства великих держав в новой всемирной организации стала ключевой в дипломатии СССР по этому вопросу, получив своё воплощение в формате Совета Безопасности ООН и его постоянных членов. После Тегерана в Москве и Вашингтоне вновь параллельными курсами шла работа по отработке контуров организации-наследницы Лиги Наций. В конце 1943 года в НКВД появляется записка Б.Е. Штейна «Основные принципы статута Международной организации по охране безопасности и мира» – первый известный документ, специально посвящённый этому вопросу. Примерно в то же время Рузвельту был представлен документ на схожую тему²⁶.

В иранской столице обсуждались вопросы послевоенных границ, и в принципе было достигнуто согласие, как выразился Черчилль, по «обеспечению западных границ СССР». Имелась в виду прежде всего польско-советская граница по линии Керзона, то есть с учётом воссоединения с СССР Западной Белоруссии и Западной Украины. Это решение, несмотря на разногласия в отношении польского правительства в эмиграции, отражало понимание того, что в послевоенном мире союзные державы имели полное право на укрепление своей безопасности, в том числе в территориальных вопросах с учётом уроков Первой и Второй мировых войн.

Такой подход «большой тройки» нашёл подтверждение на Крымской и на Потсдамской (Берлинской) конференциях, где наконец была зафиксирована западная граница Польши по линии Одер – Нейсе. Причём сделано это было в соответствии с предложениями временного польского правительства национального единства, которое незадолго до встречи в верхах в Потсдаме признали США и Британия. Необходимо также отметить, что большие территори-

²⁵ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 2. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 131.

²⁶ Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. С. 30–31.

Большие территориальные приращения Польши на её западе стали возможны благодаря тому, что в Потсдаме Советский Союз пошёл на значительные уступки Соединённым Штатам и Британии

альные приращения Польши на её западе стали возможны благодаря тому, что в Потсдаме Советский Союз пошёл на значительные уступки Соединённым Штатам и Британии в вопросе о репарациях с Германии. Освобождение Польши от фашистских войск стоило СССР жизни 600 тысяч солдат и офицеров. Но и после разгрома Третьего рейха Москва за свой счёт шла с союзниками на компромиссы в пользу Польши.

Что касается политической конфигурации власти в граничащих с СССР государствах, то Москва отталкивалась от соображений безопасности, а затем

уже идеологии. В этих странах имели больше шансов получить власть симпатизирующие СССР силы не столько потому, что они были левыми или нейтральными, сколько потому, что именно эти силы могли обеспечить развитие своих государств в соответствии с представлениями о безопасности, выработанными на конференциях «большой тройки». Другими словами, идеология следовала за безопасностью, а не наоборот. Такой же принцип действовал в советском стратегическом мышлении в отношении Германии. Москва, в отличие от Лондона и Вашингтона, не стремилась продвигать в военные годы идею расчленения Германии на несколько кусков, хотя в дискуссиях внутри страны у неё были сторонники (прежде всего М.М. Литвинов и И.М. Майский). В Тегеране именно Сталин предложил решать германскую проблему на основе принципов демилитаризации и демократизации этого государства. В планах Москвы на послевоенное мироустройство отсутствовало намерение насаждать в Германии революционные преобразования; речь шла опять же о недопущении изменения баланса сил в Европе, угрожающего безопасности СССР²⁷. В целом тезис о том, что стратегические планы Москвы на послевоенное мироустройство определялись в первую очередь прагматичными соображениями безопасности, а не идеологии, отсутствием установки на антагонистический характер отноше-

²⁷ Филитов А.М. «Большая тройка»: мир, который они искали и нашли. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров: «Радуга-ПРЕСС», 2015. С. 108–109.

ний с западными странами, пользуется широким признанием в отечественной историографии, и с этим трудно не согласиться²⁸.

Выработка лекал послевоенного мира после Тегерана продолжилась на союзнических конференциях в Думбартон-Окс, пригороде Вашингтона (август – октябрь 1944 года), Ялте (февраль 1945 года), Сан-Франциско (апрель – июнь 1945 года) и Потсдаме (июль – август 1945 года). По всем этим событиям накоплен огромный объём историографических исследований, фактов и интерпретаций, включая историософский подход²⁹. Но многие темы ждут своего изучения, например, психологические аспекты принятия военно-политических решений, стиль управленческой деятельности высших политических и военных деятелей государств «большой тройки»³⁰. Роль СССР в формировании послевоенного мироустройства подчёркивалась тем, что в Думбартон-Окс с общего согласия все дискуссии велись на основе советского плана и предложений³¹. Важно отметить, что результаты встреч «большой тройки» находили широкую межпартийную поддержку в конгрессе США и в американских СМИ. Не только на ситуацию на фронтах в ходе войны, но и на возможности послевоенного сотрудничества большое влияние оказывали действия Москвы по помощи союзникам, среди которых показательны два примера: ускоренное наступление советских войск в январе 1945 года в ответ на просьбу Черчилля в связи с прорывом немецких войск в Арденнах и вступление СССР, в соответствии с его обещанием, данным ещё в Тегеране, в войну против Японии в августе 1945 года. Таким образом выстраивалась, говоря современным языком, архитектура доверия, да ещё скреплённого кровью.

²⁸ Торкунов А.В. Великая Победа и мировой политический процесс // *Международная жизнь*, июнь 2020. С. 7. Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 208; Синдеев А.А. Дипломатический фронт Великой Отечественной войны // *Современная Европа*, 2020, № 3. С. 159–160; Романова В.Е. Вызревание идейных основ нового мирового порядка. В кн.: *Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру*. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 630, 632.

²⁹ Шевченко О.К. Триумф власти. Советская историософия Ялтинской конференции. М.: ТДА, 2019. 240 с.

³⁰ Воробьёв С.В. «Ялта–1945»: от войны к миру // *Обозреватель*, № 5, 2020. С. 77.

³¹ Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945 – 1965 гг. С. 40.

В ходе Крымской конференции Сталин не раз делился мыслью о том, что стремление к прочному миру, которое проявилось между союзниками в ходе войны, не должно оказаться быстро забытым. Такой подход полностью разделял Рузвельт, который надеялся хотя бы на 25 мирных лет после окончания войны, о чём он говорил В.М. Молотову ещё в 1942 году³². О стремлении союзников закрепить мир после войны как можно дольше говорит и англо-советский Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, рассчитанный на 20 лет и подписанный в Лондоне В.М. Молотовым и А. Иденом в мае 1942 года³³. Ряд ведущих дипломатов в НКВД считали, что СССР потребуется намного больше времени для превращения в могущественную державу (например, И.М. Майский отводил на это 40–50 лет³⁴).

Одним из свидетельств того, что СССР стал делать ставку на долговременные взаимовыгодные отношения с США, была его позиция на конференции в Сан-Франциско по вопросу о расположении

Одним из свидетельств того, что СССР стал делать ставку на долговременные взаимовыгодные отношения с США, была его позиция на конференции в Сан-Франциско по вопросу о расположении штаб-квартиры ООН

штаб-квартиры ООН. Москва поддержала идею её размещения в США, а не в Европе, за что советские дипломаты ратовали на учредительной конференции в Сан-Франциско и затем, с августа 1945 года, в ходе работы подготовительной комиссии и исполнительного комитета ООН в Лондоне. Причём Англия и Франция отдавали предпочтение Европе. Среди городов–фаворитов в Старом Свете значились Копенгаген, Париж и Женева. Главным была мотивация советской позиции: в Москве считали, что этот шаг позволит предотвратить уход США в изоляционизм, как это случилось после Первой мировой войны, сохранит за ними в послевоенном мире роль одного из ведущих центров силы, а значит и постоянного визави СССР на международной арене³⁵.

³² Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945 – 1965 гг. . С. 25.

³³ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 125.

³⁴ Синдеев А.А. Дипломатический фронт Великой Отечественной. С. 161.

³⁵ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 158.

Конечно, если Москва весной 1945 года строила бы планы по противостоянию с американцами, то её действия были бы противоположными. Голосование о регионе размещения штаб-квартиры ООН состоялось на заседании подготовительной комиссии, которое проходило в здании Чёрч-Хаус в центре Лондона. Кандидатура Европы недобрала лишь немного: за неё проголосовало 23 голоса, против — 25, включая СССР, две страны воздержались. Затем много времени ушло на выбор места в самих Соединённых Штатах. Окончательно этот вопрос решился в пользу Нью-Йорка в январе 1946 года на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая прошла в Лондоне в здании Сентрал-Холл.

Потсдамская конференция стала большим испытанием для тех, кто привык действовать и мыслить в русле рузвельтовского курса. В драматичной истории быстрого отхода от него нового американского президента большую роль сыграл военно-технический фактор. Как хорошо известно, Трумэн намеренно затягивал открытие встречи в верхах «большой тройки», которая по настоянию Вашингтона была перенесена с июня на июль в ожидании информации о результатах первого испытания атомной бомбы в американском штате Нью-Мексико. Появление оружия нового типа стало водоразделом в военно-политической истории мира. Но и в тот момент этот факт автоматически не ставил крест на всё ещё массовых ожиданиях продолжения сотрудничества трёх держав в послевоенный период. Задokumentировано, что в Потсдаме Сталин, уверенный в скором появлении атомного оружия у Советского Союза, в узком кругу членов советской делегации рассуждал о том, должно ли появление нового оружия у нескольких стран привести к соревнованию в его производстве или к запрещению его производства и применения за исключением использования атомной энергии в мирных целях³⁶. Но уже через считанные дни, 6 и 9 августа, по таким намерениям удар нанесли атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, как и продолжение Соединёнными Штатами испытания ядерного оружия уже в мирное время³⁷.

³⁶ Там же. С. 304-305.

³⁷ Первое испытания ядерного оружия после окончания Второй мировой войны США провели 1 июля 1946 года, сбросив атомную бомбу на списанные американские военные корабли у атолла Бикини в Тихом океане.

Встреча в верхах в Потсдаме подвела итоги Второй мировой войны в Европе и одновременно стала точкой отсчёта для послевоенных международных отношений. Грандиозное наследие стратегического мышления союзников в военные годы является собой Организация Объединённых Наций, Устав которой был подпи-

Грандиозным наследием стратегического мышления союзников в военные годы является собой Организация Объединённых Наций

сан 26 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско. Первый день работы конференции символически совпал с другим историческим событием – встречей советских и американских войск на реке Эльба у города Торгау в Германии. Та встреча 25 апреля 1945 года имела

такое колоссальное психологическое значение, что и в 2020 году, несмотря на скверное состояние российско-американских отношений, президенты двух стран выступили с совместным заявлением о «духе Эльбы»³⁸.

Представляется, что в последующем холодная война, к которой привёл постепенно затягивающийся после 1945 года узел противоречий между СССР и США, не переросла в новую горячую благодаря в основном двум факторам. Во-первых, в политико-дипломатической сфере с переменным успехом предпринимались постоянные попытки, в первую очередь на платформе ООН, создать механизмы согласования интересов ведущих держав и добиться того, что позже получило название стратегической стабильности (или кризисной стабильности). Во-вторых, в военной сфере достаточно быстро вслед за США было создано атомное оружие в СССР, и затем, после шока Кубинского кризиса 1962 года, Москва и Вашингтон проявили способность выстроить систему контроля над вооружениями с элементами его сокращения.

В год 75-летия создания ООН необходимо подчеркнуть выдающийся вклад конференций «большой тройки» в послевоенное миростроительство, получивший выражение в основании ООН – достаточно эффективной, уникальной и всеобще признанной организации. Главная провозглашённая в её Уставе цель – «избавить

³⁸ Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединённых Штатов Америки Д. Трампа по случаю 75-й годовщины встречи на Эльбе. <http://kremlin.ru/events/president/news/63277>

грядущие поколения от бедствий войны» — выполнена, Третью мировую войну до сих пор удавалось избежать. Очевидно, что ООН повторила бы судьбу Лиги Наций, если участники «большой тройки», а затем и «большой пятёрки» (с подключением Франции и Китая), не вложили бы все свои силы и не пошли бы на компромиссы при создании ООН как всеобщей международной организации по поддержанию мира. По воспоминаниям Эдварда Стеттинуса, заместителя государственного секретаря США и руководителя американской делегации на конференциях в Думбартон-Окс и Сан-Франциско: «...руководители Советского Союза были чрезвычайно заинтересованы в создании международной организации»³⁹. США проявили способность к компромиссу по такому ключевому вопросу, как принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН, по которому шли трудные переговоры и в Думбартон-Окс, и в Ялте. Окончательно этот вопрос был урегулирован на конференции в Сан-Франциско. Позитивное влияние на результаты её работы оказывала не только способность ведущих держав идти на взаимные уступки, но и пересечение их интересов, что проявилось, например, в близких подходах СССР и США к судьбе английских и французских колоний.

Приведём ещё один из многочисленных примеров партнёрского настроения Москвы и Вашингтона в отношении друг друга. В ходе обсуждения в исполнительном комитете ООН в Лондоне вопроса о первом генеральном секретаре новой всемирной организации СССР неофициально предложил кандидатуру американца Олджера Хисса, который председательствовал на конференции в Сан-Франциско⁴⁰. Со своей стороны у США среди возможных кандидатур числились советские дипломаты М.М. Литвинов, И.М. Майский и А.А. Соболев⁴¹.

³⁹ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 312.

⁴⁰ Олджер Хисс в разгар маккартизма в США был обвинён в сотрудничестве с советской разведкой. Его вина никогда доказана не была, а сам Хисс всю жизнь отрицал свою причастность к нарушению государственной тайны. Также с уверенностью можно утверждать, что, если даже предположить обратное, то А.А. Громыко в 1945 году не был осведомлён о чём-либо подобном.

⁴¹ Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. С. 63.

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?

Достаточно очевидно, что СССР и США не были запрограммированы на то, чтобы вскоре после общей Победы в считанные годы скатиться к холодной войне. Об этом говорят многие факты и аргументы, в том числе изложенные здесь⁴². Показателем того, что

СССР и США не были запрограммированы на то, чтобы вскоре после общей Победы в считанные годы скатиться к холодной войне

импульсы союзничества в годы Второй мировой войны не исчезли с её окончанием и ошутимо давали о себе знать ещё достаточно долго, служит встреча А.А. Громыко с представителями крупного бизнеса США, устроенная Рокфеллером в 1947 году⁴³. К этому времени истекло

уже полтора года после речи Черчилля в Фултоне. Но в элите американского делового мира, как показала эта встреча, по-прежнему сохранялись надежды на возможность взаимовыгодных отношений между Вашингтоном и Москвой.

Важно, что хотя выступление бывшего британского премьер-министра обычно считается точкой отсчёта холодной войны, в действительности оно было одним из звеньев в длинной цепи событий, как предшествовавших, так следовавших за Фултоном, которые лишь к концу 1940-х годов окончательно перечеркнули союзнические планы СССР и США в отношении друг друга на послевоенный период. Незадолго до Фултона Черчилль в палате общин британского парламента высказывал «глубочайшую благодарность... благородному русскому народу» и выражал «величайшее восхищение» Сталиным⁴⁴. Рузвельтовское наследие и в конце 1940-х годов не почilo в бозе, частично возродившись позже, в 1960-е — 1970-е годы. Тогда, в период разрядки, вновь с обеих сторон появились надежды на возможность полномасштабного восстановления взаимовыгодных отношений между СССР и США, вплоть до завершения между ними холодной войны, на достижение нового

⁴² К обсуждению проблематики начала и окончания холодной войны автор обращался ранее: Громыко Ал.А. Могла ли холодная война закончиться раньше. Постановка вопроса // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 10. С. 109–115.

⁴³ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 157.

⁴⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 232.

качества международных отношений⁴⁵. В те годы были заключены десятки двусторонних и многосторонних договоров, конвенций и соглашений, в том числе в области ограничения гонки вооружений и разоружения.

В целом представляется проблематичной фиксация начала холодной войны (как впрочем и её окончания) каким-то определённым годом, месяцем или, тем более, днём: грубость Трумэна на встрече с Молотовым и Громыко 23 апреля 1945 года, выступление Сталина 9 февраля 1946 года перед избирателями в Большом театре, речь Черчилля 6 марта 1946 года в Фултоне, выступление Трумэна 12 марта 1947 года перед Конгрессом, речь А.А. Жданова 25 сентября 1947 года на учредительном совещании Коминформа, принятие летом 1947 года «плана Маршалла» и т.д.⁴⁶ В отличие от даты начала или окончания любого военного столкновения великие державы втягивались в холодную войну постепенно. Более продуктивно обозначать возникновение холодной войны отрезком времени, в данном случае 1945–1949 годами (до основания НАТО, Берлинского кризиса и сопровождающему политику «сдерживания коммунизма» перехода к советизации стран Центрально-Восточной Европы⁴⁷). В основе такого подхода – абсолютизация не намерений или отдельных высказываний, событий и действий, а *процесс создания структур* политико-военного противостояния. Начало этого периода содержит в себе предпосылки возникновения холодной войны, которые по ходу времени постепенно приобретали больший вес, чем возможности по продолжению послевоенного сотрудничества великих держав. К концу 1940-х годов этот потенциал был исчерпан, и уже не только советско-американское соперничество, но и холодная война

⁴⁵ Громыко Ал.А. Опыт преодоления «холодной войны» (к 110-летию А.А. Громыко) // Новая и Новейшая история, № 5, 2019. С. 57–68.

⁴⁶ Например, см.: Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 200. Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // Актуальные проблемы Европы, № 1, 2020. С. 15–29. Манькин А.С. Обострение американо-советских противоречий в ходе послевоенного урегулирования в Европе и становления «конфликтного взаимодействия». В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. С. 641.

⁴⁷ Айрапетов А.Г. Утверждение советского влияния в Восточной Европе. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. С. 665.

стала неизбежной⁴⁸. Кроме создания структур противостояния сторонникам конфронтации, особенно в демократических странах, нужно было формировать соответствующий общественный климат, набор стереотипов и клише, создавших впоследствии укоренённую проблему глубокого недоверия. Чтобы полностью переформатировать атмосферу союзничества, преобладавшую в 1945 году, требовалось немало времени.

Существовали свои объективные и субъективные причины для того, чтобы холодная война утвердилась, и для того, чтобы союзнические отношения сохранились после войны. История стала развиваться по негативному сценарию. Однако это не означает, что события не могли протекать по иному руслу. Какая реальность возьмёт верх, зависело от неустойчивого баланса многочисленных факторов, включая дипломатический и личностный. Многие решения конференций «большой тройки» после завершения войны ещё долго продолжали исполняться и приносить пользу. Так, Совет министров иностранных дел, созданный на Потсдамской конференции, работал вплоть до 1949 года, хотя в основном в напряжённой атмосфере. Что касается роли личности, то если Рузвельт прожил бы дольше, то, вероятно, не было бы бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, а Комиссия по атомной энергии, созданная в рамках ООН в 1946 году, могла бы прийти к соглашению об её использовании исключительно в мирных целях, что предлагал СССР, или к соглашению если не о запрете, то о неприменении ядерного оружия. Причём эти инициативы Москва вносила в условиях, когда создание собственной атомной бомбы считалось вопросом времени. Работа над её созданием активно началась в СССР ещё в 1940 году (в США и Третьем рейхе – годом ранее)⁴⁹. Поэтому реализация таких предложений фактически связывала бы военные возможности обеих сторон.

⁴⁸ Представляется, что развёртывание после Второй мировой войны соперничества СССР и США ещё не вело с неизбежностью к войне холодной. Это соперничество должно было обрести наиболее острые и глобальные формы для рождения феномена холодной войны. Также см.: Манькин А.С. Заключение. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. С. 835–843.

⁴⁹ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 143.

Другая развилка – если на президентских выборах 1944 года Рузвельту не пришлось бы сменить вице-президента Г. Уоллеса на Г. Трумэна, то первый стал бы новым хозяином Белого дома после смерти Рузвельта в апреле 1945 года. Нахождение его в этой должности до следующих выборов в 1948 году могло бы значительно изменить ход послевоенных событий, в том числе в атомной сфере. А это было вполне возможно при наличии достаточной политической воли. Тем более что в тот период уже активно развивалось противодействие атомному оружию со стороны учёных с мировым именем, включая Альберта Эйнштейна, Лео Сциларда, Эрнеста Орландо Лоуренса, а позже Роберта Оппенгеймера, Фредерика Жолио-Кюри и др. Вместе с Уоллесом у руководства страны остался бы и упомянутый выше Г. Моргентау, который в октябре 1946 года говорил В.М. Молотову о необходимости объявить атомное оружие вне закона⁵⁰. Знаковая фигура британской дипломатии – А. Иден уже после войны высказывал мнение, что Рузвельт не допустил бы раскола в отношениях союзников⁵¹.

В ближайшем окружении Трумэна были скептики в отношении оценки последствий ядерной монополии США для сохранения союзнических отношений с СССР. К ним относились, например, Г. Стимсон, который после смерти Рузвельта пробыл на посту военного министра до сентября 1945 года, и Д. Лиликталь, председатель Комиссии по атомной энергии США. Однако их видение атомной проблемы было похоронено «планом Баруха»⁵². К скептикам изначально относился даже Д. Ачесон, впоследствии ставший государственным секретарём. Приход в Белый дом нового хозяина, а значит и другой части политического истеблишмента США, не только не был предопределён, но во многом Трумэн действительно был случайным президентом, к которому негативно

В ближайшем окружении Трумэна были скептики в отношении оценки последствий ядерной монополии США для сохранения союзнических отношений с СССР

⁵⁰ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 260.

⁵¹ Юнглблюд В.Т. 1945 год и современный мир. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров, 2015. С. 27.

⁵² Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 382–388. Магадеев И.Э. В поисках новой модели безопасности. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. С. 824.

относились многие фигуры американского политического истеблишмента, включая Г. Икеса⁵³.

Представляется не отражающей действительность и распространённая точка зрения на иранскую проблему как спусковой крючок холодной войны, потому что пока речь шла только о её предпосылках⁵⁴. Советские войска, как и британские, находились в этой стране по договору, заключённому с Тегераном в январе 1942 года. В соответствии с ним Москва и Лондон обязались вывести свои войска с территории Ирана через шесть месяцев после окончания Второй мировой войны. После капитуляции Японии и с окончанием войны на Дальнем Востоке, то есть со 2 сентября 1945 года, пошёл отсчёт этого времени. Оно было использовано СССР для получения нефтяной концессии на севере Ирана, что было обосновано и с геополитической точки зрения (Британия уже располагала концессиями на юге Ирана), так и с экономической. В ходе последовавших перипетий, в том числе в ходе работы 1-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, Москва пошла на уступки в отношении военного присутствия Британии в Греции и Индонезии, рассчитывая на взаимность. О последующем разочаровании Москвы говорили позже западным дипломатам и А.Я. Вышинский, и Сталин⁵⁵.

Кроме того, Франция и Британия при поддержке США и их союзники, несмотря на протесты СССР, пытались провести через Совет Безопасности резолюцию, не предусматривавшую каких-либо временных ограничений на пребывание английских и французских войск в Сирии и Ливане. Последние две страны, как и Иран в споре с СССР, подали жалобу в ООН на Париж и Лондон. Вышинскому пришлось наложить на проект резолюции вето, первое в истории всемирной организации. Позже деструктивная позиция США и Британии по иранскому вопросу вынудила советского постпреда А.А. Громыко покинуть заседание Совета Безопасности — также

⁵³ Маныкин А.С. Обострение американо-советских противоречий в ходе послевоенного урегулирования в Европе и становления «конфликтного взаимодействия». С. 647. Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 199.

⁵⁴ В подтверждение, например, см.: Егорова Н.И. Влияние иранского кризиса 1945–1946 гг. на становление Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. С. 344–356.

⁵⁵ Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. С. 87.

первый случай такого рода. В последствии колониальная проблематика и связанные с ней вопросы международной опеки многократно становились яблоком раздора Москвы в первую очередь с Лондоном и Парижем.

Приход к власти в Британии правительства лейбористов в августе 1945 года особо не изменил к лучшему эту ситуацию, о чём свидетельствовал и иранский кризис. Для настроений в английских правящих кругах характерен следующий эпизод. В ноябре 1946 года, в период работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, В.М. Молотов дал обед в честь английской делегации в отеле «Уолдорф-Астория». Под конец действия глава Форин-офис Эрнест Бевин, изрядно

«Дались этим русским наши колонии!... Впрочем, пусть себе болтают о них. А мы тем временем будем владеть ими»

навеселе, бросил, не замечая стоявшего неподалёку советского посла Н.В. Новикова: «Дались этим русским наши колонии!... Впрочем, пусть себе болтают о них. А мы тем временем будем владеть ими»⁵⁶. И это говорил один из ключевых членов правительства, которое по меркам того времени считалось прогрессивным.

Возвращаясь к весне 1946 года, необходимо отметить, что, несмотря на негативный фон, Москве удалось на тот момент отстоять свои позиции: после объявления о выводе советских войск из северного Ирана (он был завершён в начале мая 1946 года) Москва и Тегеран в апреле заключили соглашение о создании смешанного советско-иранского нефтяного общества. Что ещё более важно — ни Сталин, ни Трумэн, согласно имеющимся документам, не были тогда настроены на дальнейшие действия по развалу отношений. Заслуживает внимания и тот факт, что оба находились между собой в переписке по вопросу о встрече на высшем уровне вплоть до февраля 1949 года.

Также важно, что в ходе иранского кризиса (как и в другие сложные моменты дипломатических баталий) СССР старался добиться от западных членов Совета Безопасности взаимовыгодного урегулирования на закрытых переговорах, не вынося их в сферу публичных

⁵⁶ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989. С. 367. http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/30.html (дата посещения 12.08.2020)

дискуссий и препирательств. Речь шла не о гегемонистских планах Кремля, а об участии в конкуренции великих держав на Ближнем и Среднем Востоке и о растущем факторе энергоресурсов в мировой политике. Вашингтон, однако, и его ближайшие союзники сделали иной выбор, впервые отказавшись по крупному вопросу от поиска компромисса с Москвой и сделав ставку на одностороннее решение проблемы на основе контроля над большинством голосов в СБ и Генеральной Ассамблее. В последующие периоды истории, когда конфронтационные настроения брали верх, бывшие союзники СССР неоднократно прибегали к такому методу, дискредитирующему работу СБ. Наглядным подтверждением этого служат многочисленные примеры последних лет, когда на официальное обсуждение СБ выносились, в основном Вашингтоном, несогласованные проекты резолюций, хотя заведомо было известно — Россия (и нередко Китай) наложит вето.

Современники лидеров «большой тройки» свидетельствовали о проблемах с прогрессивным курсом Рузвельта во внешней политике (и не только) ещё до окончания Второй мировой войны. В историографии той эпохи не только 1945-й, но и 1944 год часто считается временем, в котором следует искать истоки холодной войны⁵⁷. Дадим возможность высказаться очевидцам. «Постепенный распад насущно необходимого единства “Большой тройки” начался фактически ещё до окончания войны», — писал в книге «Его глазами» Эллиот Рузвельт, сын президента⁵⁸. В доказательство он приводит целый ряд эпизодов. Показательна следующая цитата: «За три месяца до полного разгрома нацистов министры иностранных дел и военные министры “Большой тройки” стали рассылать в Лондон, Вашингтон и Москву различные меморандумы с проектами условий капитуляции. После некоторых споров было достигнуто окончательное соглашение по этому вопросу. Один экземпляр документа был направлен из Москвы маршалу Жукову. Но генерал Эйзенхауэр в штабе экспедиционных сил союзников не получил этого документа ни из Лондона, ни из Вашингтона. Больше того, условия капитуляции, которые он предъявил, были составлены его начальником штаба

⁵⁷ Синдеев А.А. Дипломатический фронт Великой Отечественной войны. С. 158–169.

⁵⁸ Рузвельт Эллиот. Его глазами. Издательство «Иностранная литература», 1947 г. https://booksafe.net/read/elliott_ruzvelt-ego_glazami-56730.html#p75 (дата посещения 13.08.2020)

генералом Бидлом Смитом по той простой причине, что Эйзенхауэр даже не знал о существовании упомянутого документа. Приходится ли после этого удивляться тому, что Советский Союз был раздражён?». Ещё один пример – откровенность Гарри Гопкинса, который незадолго до окончания войны признавал в доверительной беседе: «Вы, может быть, не поверите, но никто в Вашингтоне не думает, как поступить с вооружёнными силами и вооружениями, который оставит война в наследство человечеству»⁵⁹.

С другой стороны, факт издания в США книги Э. Рузвельта, причём уже после фултонской речи, говорит о том, что в Америке в послевоенные годы предпринимались попытки на базе наследия Рузвельта остановить сползание отношений с СССР к конфронтации. Относилось это и к выступлению Черчилля, которое далеко не у всех в США нашло понимание. Среди его критиков был Аверелл Гарриман – одна из наиболее значительных фигур в окружении Рузвельта, посол США в Москве в 1943 – 1946 годах. Он и позже занимал высокие посты: министр торговли, заместитель государственного секретаря при Джоне Кеннеди. Гарриман внёс большой вклад в заключение в 1963 году Договора о запрещении испытания ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Критически относился он к «закручиванию гаек» в отношении Советов в период Администрации Дуайта Эйзенхауэра, о чём писал в своей книге, посвящённой США и России⁶⁰. Отчаянные, в том числе публичные, попытки предотвратить губительные, с его точки зрения, изменения во внешней политике США предпринимал летом и осенью 1946 года Г. Уоллес, ещё занимавший пост министра торговли⁶¹.

Несмотря на имеющиеся возможности, история во второй половине 1940-х годов пошла по пути формирования консенсуса холодной войны. В конфиденциальной беседе в 1946 г. Эдлай Стивенсон, представитель США в специальной комиссии ООН по вопросам разоружения, говорил: «крупный бизнес США своё существование

⁵⁹ Громько А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 420.

⁶⁰ Harriman W.A. America and Russian in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. New York: Doubleday and Company, Inc., 1971.

⁶¹ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989. С. 355–358. http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/30.html (дата посещения 12.08.2020)

Несмотря на имеющиеся возможности, история во второй половине 1940-х годов пошла по пути формирования консенсуса холодной войны

без производства оружия не мыслит. Никто всерьёз в Вашингтоне идеи разоружения не принимает», и на вопрос, какой же курс в этом вопросе США считают правильным, отвечал: «контролируемое вооружение» (именно «вооружение» — Авт.)⁶². Но даже с учётом такой

реальности в последующие годы и десятилетия не раз возникали шансы миротворчества, зависящие от фактора личности. Так, в сентябре 1963 года государственный секретарь США Дин Раск в другой конфиденциальной беседе сообщал, что президент Джон Кеннеди «обдумывает возможность сокращения численности американских войск в Западной Европе»⁶³. Однако в ноябре он был убит. Размышления Кеннеди были созвучны мыслям его великого предшественника Ф. Рузвельта, который в феврале 1945 года в Ялте делился с У. Черчиллем сомнениями, смогут ли США «держать в Европе большую армия более чем в течение двух лет после окончания войны»⁶⁴.

Незадолго до того, 10 июня 1963 года, Кеннеди выступил с известной речью в Американском университете в Вашингтоне, в которой, как когда-то Эйзенхауэр, выразил опасения по поводу влияния военно-промышленного комплекса. В своём выступлении он, отдав должное роли Советского Союза во Второй мировой войне, заявил о необходимости широкого взаимопонимания между США и СССР, о стремлении США к прекращению гонки вооружений, о том, что долгосрочной целью на переговорах в Женеве является всеобщее и полное разоружение⁶⁵. Именно Кеннеди впервые признал в ходе советско-американской встречи в верхах в июне 1960 года, что «силы США и СССР равны»⁶⁶. Во многом взгляды американского президента на международные отношения сложились под влиянием рузвельтовского курса, и это не удивительно — его отец был другом Рузвельта, и ещё в военные годы Кеннеди был вхож в Белый дом.

⁶² Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 377.

⁶³ Там же. С. 379.

⁶⁴ Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. С. 187.

⁶⁵ https://youtu.be/aptA_9wbJow

⁶⁶ Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. С. 519.

В качестве совсем молодого, но уже известного корреспондента он принимал участие в конференции в Сан-Франциско, профессионально разбирался в ооновской проблематике.

Высказанные соображения и факты дают основание полагать, что в годы Второй мировой войны великие державы выстраивали свои отношения исходя не из конъюнктурных, а долговременных подходов, и это касалось не только военного времени, но и планов на будущее. Существовали как объективные, так и субъективные условия для того, чтобы СССР и США сохранили союзнические отношения и после

1945 года в духе «рузвельтовского курса» и «духа Эльбы». Значительная часть, если не большинство, ключевых фигур политического класса Америки в период президентства Ф. Рузвельта была серьёзно

настроена на продолжение партнёрства с Советами в мирное время. Ведущие персонажи той эпохи отнюдь не считали, что союзничество военного времени обречено после Победы. Показательно мнение Гарри Гопкинса, одного из наиболее осведомлённых людей в США. В июле 1945 года он не только высказывался за поддержание дружеских отношений с СССР, но считал, что против этого в Америке выступает лишь «крошечное, кликушествоующее меньшинство», представители которого «посчитают за благо, если увидят, что наша американская армия пройдёт сквозь Германию и начнёт сражаться с Россией после того, как Германия капитулирует»⁶⁷.

Со своей стороны руководство СССР формировало свои взгляды на последующее мироустройство в основном на основе прагматичных соображений безопасности и выгоды от партнёрства, нежели на основе идеологических и имманентно конфронтационных установок. Москва сделала многое и неоднократно шла на компромиссы, считая необходимым и после войны самое активное вовлечение

В годы Второй мировой войны великие державы выстраивали свои отношения исходя не из конъюнктурных, а долговременных подходов

⁶⁷ Мальков В.Л. Завещание Гарри Гопкинса. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. С. 140–141.

США в мировые дела в качестве своего основного визави на международной арене.

Стратегическое видение Москвы, Вашингтона и Лондона на мир после войны формировалось в целом параллельными и переплетающимися курсами, в широком, но общем русле. Все три державы,

Стратегическое видение Москвы, Вашингтона и Лондона на мир после войны формировалось в целом параллельными и переплетающимися курсами

в первую очередь Советский Союз и Соединённые Штаты Америки, внесли решающий вклад в закладку фундамента послевоенного мира и в создание Организации Объединённых Наций. Но будет исторически верным утверждать, что её не постигла судьба

Лиги Наций именно благодаря СССР, политики и дипломаты которого, преодолев неимоверные трудности, смогли отстоять принцип единогласия при принятии решений постоянными членами Совета Безопасности. Для послевоенного мира вплоть до наших дней этот принцип имеет непреходящее значение⁶⁸.

То, что в период после 1945 года возобладала враждебность, не было запрограммированным и неизбежным процессом. Доказательством этого служит хотя бы тот неопровержимый факт, что Москва, Вашингтон и Лондон в годы Второй мировой войны сознательно, планомерно и совместно работали над созданием всемирной организации по поддержанию мира, призванной предотвратить новую большую войну. Изначально вероятность холодной войны была ненамного выше, чем вероятность сохранения прагматичных отношений между великими державами на значительную перспективу. Вина за упущенные возможности по её претворению в жизнь лежит на всех членах «большой тройки», хотя и в разной мере. Обстоятельства, сделавшие холодную войну реальностью, обрели непреодолимую силу к концу 1940-х годов. Но и до, и после этого ООН – главное детище стратегического мышления союзников – сыграла исключительную роль в смягчении, урегулировании или недопущении многочисленных кризисов как регионального, так и глобального масштаба, включая Карибский.

⁶⁸ Также см.: Орлов А.А. Право вето постоянных членов Совета Безопасности как фундаментальная основа ООН // Обозреватель, № 5, 2020. С. 103–115.

В борьбе за скорейшее окончание Второй мировой войны и за конструктивное и взаимовыгодное сотрудничество после Победы выдающуюся роль сыграли советские дипломаты и эксперты. В эпицентре генерации идей по построению прочного мира находились В.М. Молотов, М.М. Литвинов, А.А. Громыко, И.М. Майский, А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский, Д.З. Мануильский, А.А. Соболев, Б.Е. Штейн, Я.З. Суриц, В.Н. Павлов, Е.В. Тарле, Ф.Т. Гусев, Н.В. Новиков, Я.А. Малик, К.В. Новиков, В.А. Зорин, Д.З. Мануильский, К.В. Киселёв и многие другие.

Холодная война не стала точкой невозврата, навсегда похоронившей планы устойчивого и уважительного партнёрства «великого альянса». Об этом свидетельствуют масштабные усилия бывших союзников по выходу из пике холодной войны, предпринятые в 1960-е — 1970-е годы, а затем с новой силой в следующее десятилетие. Период разрядки заключал в себе предпосылки не только временного снижения напряжённости, но и возможности вырваться из «заливной формы» жёсткого противостояния. Этим планам не удалось сбыться в силу просчётов обеих сторон биполярного мира.

История свидетельствует, что объективные и субъективные обстоятельства для отношений, обременённых соперничеством, но лишённых враждебности, и даже для союзнического взаимодействия существовали и в годы Второй мировой войны, и после неё. В той же мере это справедливо для оценки возможностей сотрудничества России, США, ЕС, Китая, других центров силы в XXI веке.

Холодная война не стала точкой невозврата, навсегда похоронившей планы устойчивого и уважительного партнёрства «великого альянса»

ЛИТЕРАТУРА

Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединённых Штатов Америки Д. Трампа по случаю 75-й годовщины встречи на Эльбе. <http://kremlin.ru/events/president/news/63277>

Айранетов А.Г. Утверждение советского влияния в Восточной Европе. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Борисов А. Фактор коалиции: как противники стали союзниками и выиграли войну // Международная жизнь, Август, 2020. С. 126–141.

Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // Актуальные проблемы Европы, № 1, 2020. С. 15–29.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. Глава «Советский Союз на Московской и Тегеранской конференциях». М.: Кучково поле, 2014.

Воробьёв С.В. «Ялта–1945»: от войны к миру // Обозреватель, № 5, 2020.

Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012.

Громыко А.А. Памятное. Новые горизонты. М.: Центрполиграф, 2015.

Громыко Ал.А. Могла ли холодная война закончиться раньше. Постановка вопроса // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 10. С. 109–115.

Громыко Ал.А. Опыт преодоления «холодной войны» (к 110-летию А.А. Громыко) // Новая и Новейшая история, № 5, 2019. С. 57–68.

Громыко Ал.А. Рождение послевоенного мира: планирование и реалии. (К 75-летию победы во Второй мировой войне и создания ООН. Статья первая) // Современная Европа, № 5, 2020. С. 5–18.

Громыко Ал.А. Была ли альтернатива началу холодной войны? (К 75-летию победы во Второй мировой войне и создания ООН. Статья вторая) // Современная Европа, № 6, 2020. С. 5–14.

Громыко Ан.А. Вызовы XXI века и Организация Объединённых Наций / Факультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: URSS, 2012.

Егорова Н.И. Влияние иранского кризиса 1945–1946 гг. на становление Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров: «Радуга-ПРЕСС», 2015. С. 344–356.

Кравченко М. Советская дипломатия в Великой Отечественной войне // Международная жизнь, май 2020 г. С. 28–29.

Магадеев И.Э. В поисках новой модели безопасности. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Мальков В.Л. Завещание Гарри Гопкинса. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров: «Радуга-ПРЕСС», 2015.

Манькин А.С. Обострение американо-советских противоречий в ходе послевоенного урегулирования в Европе и становления «конфликтного взаимодействия». В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Манькин А.С. Заключение. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. М.: Молодая гвардия, 2016.

Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989.

Орлов А.А. Право вето постоянных членов Совета Безопасности как фундаментальная основа ООН // Обозреватель, № 5, 2020. С. 103–115.

Печатнов В.О. Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР. В кн.: История великой победы. Том 3. Война и дипломатия. Под ред. Торкунова А.В. М.: МГИМО-Университет, 2020.

Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М.: Терра, 2006.

Романова В.Е. Вызревание идейных основ нового мирового порядка. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Рузвельт Эллиот. Его глазами. М.: Издательство «Иностранная литература», 1947.

Синдеев А.А. Дипломатический фронт Великой Отечественной войны // Современная Европа, 2020, № 3.

Торкунов А.В. Великая Победа и мировой политический процесс // Международная жизнь, июнь 2020. С. 4–5.

Филитов А.М. «Большая тройка»: мир, который они искали и нашли. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров: «Радуга-ПРЕСС», 2015.

Шевченко О.К. Триумф власти. Советская историософия Ялтинской конференции. М.: ТДА, 2019.

Юнгблюд В.Т. Эра Рузвельта. Дипломаты и дипломатия. СПб.: Образование, 1996.

Юнгблюд В.Т. 1945 год и современный мир. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров: «Радуга-ПРЕСС», 2015.

Davies Joseph E. Mission to Moscow. London: Victor Gollancz Limited, 1945.
<https://archive.org/details/missiontomoscow035156mbp>

Harriman W. Averell. America and Russia in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. Garden City, N.Y.: Doubleday and Company, Inc., 1971.

President Kennedy's peace speech at American University (June 10, 1963).
https://youtu.be/aptA_9wbJow

Welles Sumner. Time for decision. Cleveland, New York: World Publishing Company, 1945.

Громько Алексей Анатольевич

член-корреспондент РАН, Директор Института Европы РАН, член Научно-издательского совета РАН, бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, бюро Координационного совета профессоров РАН.

Президент Ассоциации европейских исследований России, председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А.А. Громько. Член Научного совета при Министре иностранных дел РФ, Научного совета Совета Безопасности РФ, правления Интеграционного клуба при председателе Совета Федерации ФС РФ.

www.instituteofeurope.ru

gromyko.ru

